

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

С.Ю. Белоконев, В.В. Титов, З.Р. Усманова

Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский проспект, 49, Москва, Россия, 125993

Авторы формулируют определение национально-государственной идентичности, под которой понимается макрополитический конструкт, опосредующий образ «нас» — «воображаемого сообщества» в различных его измерениях (ценностном, темпоральном, пространственном, символическом), поддерживаемый институтами государства и политико-культурной традицией государственности. В статье особое внимание уделяется четырем системным вызовам российской национально-государственной идентичности. Первый — внутриполитический вызов — связан с издержками и противоречиями институциональной организации государственной «политики идентичности» в современной России. Второй вызов российской национально-государственной идентичности обусловлен информационной глобализацией и, как следствие, кардинальным изменением информационно-политического ландшафта российского общества. Третий вызов детерминирован аморфностью коллективного образа будущего в политическом сознании российских граждан. Четвертый вызов, адресованный российской национально-государственной идентичности, носит геополитический характер и связан с войнами памяти, активно развернувшимися на постсоветском пространстве в 2000—2010-е гг. Авторы делают вывод, что эффективным «ответом» на вызовы, адресованные российской национально-государственной идентичности, могла бы стать комплексная государственная «политика идентичности». Такая политика может быть охарактеризована как долгосрочная стратегия формирования конвенциональной общероссийской идентификационной «матрицы» через выстраивание и продвижение в социальном пространстве сбалансированного, внутренне непротиворечивого образа «нас» и комплекса связанных с ним социально-политических представлений, установок и ценностей.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, образ «нас», «политика идентичности», политические вызовы, глобализация, образ будущего

Российская национально-государственная идентичность, особенности и факторы ее формирования, являются одной из наиболее обсуждаемых тем в отечественном политологическом сообществе. «Дискурс идентичности» в современной политической науке отличается внутренней противоречивостью и многообразием точек зрения. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных ученых (как политологов, так и представителей других сфер социогуманитарного знания), мы можем определить национально-государственную идентичность как макропо-

литический конструкт, опосредующий образ «нас» — «воображаемого сообщества» в различных его измерениях (ценностном, темпоральном, пространственном, символическом), поддерживаемый институтами государства и политико-культурной традицией государственности [2; 4; 6; 7; 9].

При этом необходимо учитывать, что существенный потенциал для осмысления национально-государственной идентичности открывает конфигуративный подход, основанный на сочетании классического структурно-функционального анализа и современных проблемно-ориентированных теорий, позволяющих проанализировать в том числе «политику идентичности» как стратегическую деятельность государственных институтов по формированию коллективного национально-государственного образа «нас» (содержащихся в нем представлений, установок, стереотипов, символов) в массовом сознании россиян. Такая целенаправленная трансформация обеспечивается через воздействие на ключевые сферы социума: политическую, культурно-образовательную, информационную.

Таким образом, национально-государственная идентичность может быть представлена в двух ракурсах: как результат — состояние массового сознания, и как конструкт — результат синтезного конструирования, как вертикального, посредством институтов и ресурсов системы государственного управления, так и горизонтального, через сетевые обмены, в процессе функционирования разнообразных «пространств повседневности» [7. С. 25—26].

Анализируя вызовы, вырисовывающиеся перед российской национально-государственной идентичностью, следует говорить не только о «глобальном контексте», о планетарных политических, социально-экономических, культурных трендах, но и о внутренней логике развития российской политической системы. То есть необходимо помнить и о тех многочисленных политико-управленческих издержках и «нюансах», которые потенциально способны привести к частичной дестабилизации институциональных оснований российской государственности уже в среднесрочной (до 2025 г.) перспективе.

Говоря о вызовах, прежде всего, следует упомянуть *институциональные издержки организации политической системы современной России*, среди которых наиболее заметны идущие «в связке» сужение «горизонтов политического планирования» (сегодня «точкой», в которую упираются многочисленные прогнозы, концепции, инициативы, фактически выступает 2024 год) и отсутствие стратегических приоритетов «политики идентичности» на общероссийском уровне. Иными словами, осознаваемая и научным сообществом, и российскими политическими элитами необходимость целенаправленного формирования общенациональной идентичности не трансформируется в государственную политику, которая носила бы стратегический характер.

Тем не менее, важно отметить, что, несмотря на отсутствие государственной «политики идентичности» как выстроенной системы, в современной России во второй половине 2000-х — середине 2010-х гг. был предпринят ряд шагов, направленных на формирование символического пространства российской национально-государственной идентичности. Прежде всего, речь идет о «символической политике праздников»: реактуализации Дня Победы как символа общенациональ-

ного «позитивного прошлого» (акции «Я помню, я горжусь» и «Бессмертный полк»). Произошло ритуально-символическое «наполнение» Дня народного единства, который в конце 2000-х гг. был «перехвачен» националистами (на определенное время его главным элементом стал «русский марш») [5. С. 163—166]. Параллельно была предпринята попытка выработать некое подобие государственной стратегии в сфере исторического образования и «политики памяти», что сопровождалось новым всплеском дискуссий по поводу необходимости «единого учебника» российской истории.

Важно подчеркнуть, что указанные выше инициативы и нововведения, при всей их политической значимости, все же не могут рассматриваться как проявления целостной, долгосрочной стратегии формирования общероссийской национально-государственной идентичности.

Второй вызов российской национально-государственной идентичности связан с информационной глобализацией и, как следствие, кардинальным изменением информационно-политического ландшафта российского общества. В отечественном социогуманитарном знании 2000—2010-х гг. сложилось устойчивое понимание, что одной из определяющих тенденций развития современной России является «интернетизация» социальной реальности, активное развитие новых медиа, прежде всего социальных сетей, формирование внутренне фрагментированной политической культуры «виртуальности», подвижного и во многом конфликтного пространства социально-политических ценностей, смыслов и символов [7. С. 122—124]. В этой ситуации значимость «вертикальной» политической коммуникации (осуществляемой, прежде всего, посредством ведущих общедеревальных ТВ-медиа) снижается, все более востребованы «горизонтальные», сетевые форматы распространения социально-политической информации.

Такая противоречивая ситуация неизбежно порождает вопрос: *способна ли действующая российская власть реализовывать «политику идентичности» в условиях новой информационно-психологической реальности?*

Представляется, что указанный вопрос содержит в себе, как минимум, два взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, особого внимания заслуживает конкурентный характер социально-политического пространства Рунета, который вытекает из внутренней логики функционирования глобальной сети: «виртуальная» политическая реальность в сегодняшней России — пример серьезной идеологической и ценностно-смысловой дифференциации российского общества, что неизбежно порождает латентные и открытые идейно-политические конфликты, периодические обостряющиеся и выходящие за пределы политической сферы Рунета. Вместе с тем следует учитывать, что те или иные дискуссии, связанные с рефлексией российской идентичности «в Сети», сегодня носят преимущественно периферийный характер и часто далеки от текущей политической повестки дня. Всплеск подобных обсуждений, как правило, связан или с «круглыми датами» (100-летие Октябрьской революции, 100 лет со дня убийства Николая II и его семьи и т.д.), или с «войнами памяти» на постсоветском пространстве (прежде всего российско-украинскими публичными конфликтами «по поводу» истории Древней Руси, оценок советского

периода). В этих условиях перед действующей российской властью вырисовывается двуединая задача: с одной стороны, катализировать процессы осмысления общенационального прошлого и становления гражданской модели российской идентичности; с другой — найти приемлемые, эффективные форматы взаимодействия с неоднородной интернет-аудиторией в условиях преобладания «клипового» и «серийного» мышления среди различных социальных групп «юзеров».

Во-вторых, необходимо учитывать, что информационное пространство сегодняшней России — классическая иллюстрация масштабного «цифрового разрыва» в различных его измерениях. Причем линии «медийного» размежевания («юзеры» VS ТВ-аудитория) во многом соответствуют возрастным (молодежь и средний возраст VS «старшее поколение») и политическим «водоразделам» современного российского социума.

В этой ситуации перед властью в процессе реализации «политики идентичности» обозначается еще одна системная задача, связанная с преодолением политического абсентеизма значительной части интернет-пользователей, их безразлично-скептического (и отчасти негативного) отношения к всевозможным политическим инициативам «сверху» [5]. В этих условиях государство оказывается во многом обречено на «догоняющие» стратегии собственного позиционирования в новой информационной реальности, что естественным образом сужает возможности действующей власти для реализации стратегий формирования национально-государственной идентичности в долгосрочной перспективе (2020—2030-х гг.).

Третий вызов, достаточно рельефно обозначившийся перед «матрицей» российской национально-государственной идентичности, связан с *аморфностью общенационального «образа будущего»*, обозначенным выше вызовом со стороны новой «виртуальной реальности», в условиях наступления которой «образ будущего» оказывается априори пластичным, неустойчивым и подверженным социальной конъюнктуре (направленность которой носит преимущественно негативный, «катастрофический» характер и задается современными медиа). Следствие формирования такой социально-информационной «картины мира» — всеобъемлющий кризис идентичности. Речь идет о деформации как первичных, индивидуализированных ее структур (человеческого «Я» во множестве его проекций: от сексуальной до цивилизационной), так и коллективного «мы», комплексных представлений людей о «своих» нации и государстве.

Представляется, что главное последствие фактического отсутствия у существенной части российского общества национально-государственного «образа будущего» — не только желание жить «здесь и сейчас», но и гипертрофированная потребность в стабильности как главной политической ценности [5. С. 44—47]. «Стабильность» в этом случае — не индикатор социального и политического благополучия, доверия к власти и удовлетворенности качеством государственного управления, а эмоциональный импульс, связанный со своеобразным (часто до конца не осознаваемым и публично не артикулируемым) желанием «остановить политическое время», психологически «заморозить» текущую политическую ситуацию во избежание реализации многочисленных негативных социально-политических сценариев. Обратная сторона отсутствия целостного образа будущего

у значительной части российских граждан — широко известный и активно обсуждаемый в экспертных кругах «запрос на перемены», императивом которого выступает принцип «по-другому», а не внятное понимание содержательной стороны необходимых изменений.

Четвертый вызов, адресованный российской национально-государственной идентичности, носит геополитический характер и связан с войнами памяти, активно развернувшимися на постсоветском пространстве в 2000—2010-е гг. Их всплеск был обусловлен целым рядом социально-экономических и политических причин. Прежде всего, можно заметить, что в 1990-е гг. политические элиты бывших постсоветских республик (пожалуй, за исключением стран Прибалтики) были в большей степени озабочены внутренней политической «повесткой дня», разделом постсоветского «наследства» в его материальном, а не историко-символическом измерении. В тот период обращение к общей истории ограничивалось традиционной критикой «советского тоталитаризма», рассматриваемой в качестве веского основания легитимности постсоветских государств.

Ситуация серьезно изменилась в середине первого десятилетия XXI века, когда ряд постсоветских республик вышли из «парадигмы выживания». Одновременно на политической арене этих стран появились новые поколения (в том числе и поколения политических элит), произошли «цветные революции», которые поставили на повестку дня вопрос переосмысления прошлого именно в контексте исторического и ценностно-символического разрыва с Россией (а не только с советскими символами).

На наш взгляд, своеобразной точкой отсчета, ознаменовавшей резкий всплеск «войн памяти», серию целенаправленных исторических атак на Россию и российскую национальную идентичность, явился первый украинский «майдан» 2004—2005 гг.

Многочисленные кейсы российско-украинских конфликтов «по поводу прошлого» являются показательными с точки зрения понимания того, как расширялся список исторических претензий украинского «политикума» к России. Если в 2005—2009 гг. лейтмотивом этих претензий явился так называемый «Голодомор» и моральная ответственность современной Российской Федерации как правопреемника СССР, то сегодня пространство атак на российскую идентичность существенно расширилось. Украинские политики не только говорят о тотальном разрыве с исторической «ордой» (как они понимают Россию), но и целенаправленно наполняют информационное пространство недостоверным историческим «контентом», попутно выдвигая очевидно безосновательные обвинения в «фальсификации истории» в адрес России. Характерный пример — недавние обвинения в том, что Россия «присвоила» историю Украины-Руси и параллельные размышления об ошибке киевских князей, которые «опрометчиво основали Москву» [1; 3].

По нашему мнению, опасность подобных сценариев для российской идентичности состоит в следующем: официальная Москва, будучи втянутой в конъюнктурные политические дискуссии, вынуждена выступать в психологически уязвимой для себя роли «оправдывающейся» не только за отдельные исторические события, но и за сам факт своего исторического существования. Следствием такой эмоциональной «оправдательной» стратегии является как дальнейшая всеобъем-

люющая негативизация внешнеполитического образа России («империя зла»), в том числе и среди жителей республик бывшего СССР, так и внутренний кризис исторической памяти, нарастающее стремление оценивать собственное прошлое исключительно сквозь призму конфликта с многочисленными внешними «врагами»: и коллективным Западом, и бывшими «братскими народами».

Вместе с тем необходимо учитывать, что российско-украинские противоречия по поводу прошлого представляют собой *наиболее радикальный вариант «войн памяти»* на постсоветском пространстве (когда обе стороны фактически отказывают друг другу в «историческом праве» на собственную национально-государственную идентичность).

Не меньшую тревогу должны вызывать и «плавные» попытки *избавления от элементов российской культуры*, ставшие системным звеном государственной политики постсоветских государств, включая наиболее «близкие» современной России Белоруссию и Казахстан.

Указанная политика реализуется, прежде всего, в образовательной и культурной сферах (переход Казахстана на латиницу, позитивная переоценка роли Великого княжества Литовского как прародины нынешней белорусской государственности), а также в области символической политики, направленной на размежевание с позитивными образами совместного прошлого [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ указанных выше социально-политических вызовов, стоящих перед российским обществом и государством, *позволяет говорить о необходимости выработки и реализации полномасштабной государственной политики формирования российской национально-государственной идентичности («политики идентичности»)*, которая носила бы интегративный характер и отвечала новым информационным и геополитическим реалиями начала XXI в.

Опираясь на разработки зарубежных и российских ученых, можно определить «*политику идентичности»* как *долгосрочную стратегию формирования определенной модели коллективной идентичности через выстраивание и информационное продвижение в социальном пространстве целостного, сбалансированного, внутренне непротиворечивого образа «нас» и комплекса связанных с ним социально-политических образов, установок, ценностей.*

Ведущим, но далеко не монопольным субъектом такого целенаправленного стратегического процесса в современных условиях (в том случае, если речь идет о национально-государственной идентичности) выступает политическое «государство», активно взаимодействующее с иными агентами социализации и акторами политического процесса: негосударственными организациями, социальными медиа, местными сообществами.

Представляется, что концептуализация и последующая реализация «политики идентичности» как широкого, внутренне целостного комплекса стратегических политико-управленческих функций и задач является наиболее эффективным «ответом» на многочисленные вызовы, стоящие перед российской государственностью и российской национально-государственной идентичностью в начале третьего тысячелетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] «Киевские князья опрометчиво основали Москву» // Интернет-издание «Рамблер». 19.04.2018. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/ukraine/39663394-kievskie-knyazyu-oprometchivo-osnovali-moskvu/>. Дата обращения: 21.07.2018.
- [2] *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. № 8. С. 179—204.
- [3] *Порошенко обвинил Россию в присвоении украинской истории* // Интернет-издание «Интерфакс.Ру». 08.11.2016. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/536153>. Дата обращения: 23.07.2018.
- [4] *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 37—51.
- [5] *Самсонова Т.Н., Титов В.В.* К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 156—173.
- [6] *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 91—102.
- [7] *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
- [8] *Фахрутдинов Р.* «Кому-то не придется в России»: Лукашенко рассказал о войне // Интернет-издание «Газета.ру». 03.06.2018. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/06/03_a_11785063.shtml. Дата обращения: 23.07.2018.
- [9] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004. 635 с.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98

RUSSIAN NATIONAL-STATE IDENTITY: FACING CHALLENGES OF THE EARLY 21ST CENTURY

S.Yu. Belokonev, V.V. Titov, Z.R. Usmanova

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp., 49, 125993, Moscow, Russian Federation

Abstract. The authors offer their definition of national-state identity: a macro-political construct that projects the image of “us” (an “imaginary community”) to various dimensions (value-based, temporal, spatial, and symbolic). This image is supported by state institutions as well as the political and cultural tradition of national sovereignty. In the article, special attention is paid to the four systemic challenges of the Russian national-state identity. The first challenge — internal political — stems from the costs and contradictions of the institutional organization of state identity policy in modern Russia. The second national identity challenge is due to information globalization and, as a result, a drastic change in the information and political landscape of Russian society. The third challenge is determined by weakness and vagueness of the collective image of the future in the political consciousness of Russian citizens. The fourth Russian identity challenge is geopolitical in nature and is associated with memory wars, which actively unfolded

in the post-Soviet space in the 2000s—2010s. The authors conclude that an effective response to the Russian national-state identity challenges could be a complex state identity policy. This policy can be described as a long-term strategy for the formation of a conventional all-Russian identity “matrix” through building and promotion of a balanced, internally consistent image of “us” and a set of social and political views, attitudes and values associated with it.

Key words: national-state identity, image of “us”, “politic of identity”, political challenges, globalization, image of future

REFERENCES

- [1] “Kiev Princes should have thought twice before founding Moscow”. *Rambler.ru*. 19.04.2018. Available from: <https://news.rambler.ru/ukraine/39663394-kievskie-knyazy-a-oprometchivo-osnovali-moskvu/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [2] Malinova O.Y. Political Use of the Past as a Symbolic Policy Tool: Evolution of the Ruling Elite’s Discourse in Post-Soviet Russia. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2012; 8: 179—204 (In Russ.).
- [3] Poroshenko Accused Russia of Appropriating Ukrainian History. *Interfax.ru*. 08.11.2016. Available from: <http://www.interfax.ru/world/536153>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [4] Samsonova T.N. On Civic Education under Current Institutional Changes in Modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2012; 2: 37—51 (In Russ.).
- [5] Samsonova T.N., Titov V.V. On Formation of National-State Identity among Russian Youth in the Context of Global Social and Cultural Transformations of the 20th Century. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2017; 3: 156—173 (In Russ.).
- [6] Semenenko I.S. Nation, Nationalism, National Identity: New Angles of Scientific Discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. 2015; 11: 91—102 (In Russ.).
- [7] Titov V.V. *Memory Policy and Building National-State Identity: Russian Experience and New Trends*. Moscow: Vash format; 2017. 184 p. (In Russ.).
- [8] Fahrutdinov R. “Someone cannot Sit Still in Russia”: Lukashenko Tells about the War. *Gazeta.ru*. 03.06.2018. Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2018/06/03_a_11785063.shtml. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [9] Huntington S. *Who Are We? American National Identity Challenges*. Moscow: Tranzitkniga; 2008. 640 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Титов Виктор Валериевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-9518-2171) (e-mail: VVTitov@fa.ru).

Усманова Заира Романовна — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0003-2307-9463) (e-mail: ZRUzmanova@fa.ru).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — PhD in Political Science, Director of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Viktor V. Titov — PhD in Political Science, Senior Research Scientist of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-9518-2171) (e-mail: VVTitov@fa.ru).

Zaira R. Usmanova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0003-2307-9463) (e-mail: ZRUsmanova@fa.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

© Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р., 2019.